

к человеческому уму, к мудрому человеческому труду, созидающему все ценности, и, вместе с тем, с признанием прав человека на «нежность сердечную».

В конце поэмы Дубровский, перечислив разные пороки, ссылается на Сократа, как на пример преодоления человеком своих слабостей в неустанном труде:

Не выше смертных сил то должно почитаться,
 Всё неусыпный труд возможет победить;
 И Сократов пример нас может научить.

Таким образом, содержание поэмы отчетливо делится на две части: первую — введение, в котором поэт раскрывает свои идейные позиции, чтобы на основании их критиковать человеческие пороки, и вторую — представляющую конкретный показ различных недостойных человека страстей. В соответствии с этим стилистически-художественное выражение в обеих частях поэмы не одинаково. Первая часть, исполненная пафоса прославления науки и человеческого разума, выдержана в тонах ломоносовской научной поэзии. Дубровский переносит в свой поэтический контекст отдельные образные построения Ломоносова. Грандиозность вселенной, постигаемая человеческой мудростью, вызывает патетические восклицания поэта:

О коль находим там строение прекрасно!
 Горящих там светил коль множество ужасно!
 Мы измеряем их подробно высоту,
 Определяем их великость, широту,
 Мы наблюдаем путь и место осторожно,
 Предсказываем их затмения неложно.⁸

В заключительной части поэмы, где поэт снова утверждает высокие моральные идеалы в духе ломоносовской философии, торжественные образы повторяются. В соответствии с поэтикой Ломоносова Дубровский прибегает здесь к развернутым, красочным метафорам. Так, нравственную стойкость и мудрость Сократа он сравнивает с могучим дубом, простирающим свои ветви высоко в небо, с утесом среди бурных вод, который «удары их и шум, смеясь, ни во что чит».

Следовательно, Дубровский в поэме «На ослепление страстями» не только поддерживал идейные устремления ломоносовской поэзии, но и одновременно сознательно защищал те художественные принципы Ломоносова, против которых выступали поэты-сумароковцы.

Дубровский высмеивает поэтику своих противников, умело используя фразеологию любовных жанров, героя их он изображает пустым бездельником, посвятившим жизнь «страсти нежной»:

Всечасно он твердит: Любовь! любовь! любовь!
 Ты сердце мне зажгла и вспламенила кровь.
 Художеств и наук чтит труд за бесполезной,
 Всю мудрость в том кладет, чтоб угодить любезной.

⁸ Там же, стр. 129.